

«...Будем неутомимо трудиться на Указанном Пути»

ПИСЬМА Ю.Н. РЕРИХА З.Г. ЛИХТМАН (ФОСДИК)

Эпистолярное наследие выдающегося русского ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902—1960) практически неизвестно широкому читателю, за исключением небольших публикаций в Малой Рериховской библиотеке (Урусвати. М.: МЦР, 1993), «Рериховском вестнике» (СПб. — Извара, 1992, выпуск 5) и книге «Оккультизм и Йога. Летопись сотрудничества» (М., 1995). В этом году, по случаю столетнего юбилея Юрия Николаевича, Центр-Музей имени Н.К. Рериха готовит к изданию полное собрание его писем из своего архива за 1919—1960 гг. — солидный том, в который вошло около 900 документов. Эта публикация позволяет нам по-новому взглянуть на личность нашего выдающегося соотечественника и осветить доселе неизвестные стороны его жизни и деятельности, иными словами, увидеть Юрия Рериха не только в ипостаси «кабинетного ученого», погруженного в свои изыскания и оторванного от внешнего мира, но в образе делового человека и умелого организатора, а также любящего сына и брата.

Большая часть писем, хранящихся в архиве Центра-Музея имени Н.К. Рериха, — на английском языке, и это неудивительно, поскольку с юношеского возраста Юрий Рерих живет, учится и работает за границей: сначала в Великобритании, затем в США и в Индии; на Родину он вернулся за три года до своей смерти. Писем на русском языке, адресованных преимущественно Е.И. Рерих, С.Н. Рериху и З.Г. Лихтман (Фосдик), сравнительно немного. Тематика писем разнообразна: деятельность Института Гималайских исследований «Урусвати», бессменным директором которого был Юрий Николаевич, Маньчжурская экспедиция 1934—1935 гг., организованная Министерством земледелия США, в которой он принимал участие вместе со своим отцом Н.К. Рерихом, переписка с сотрудниками Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, книготорговыми фирмами, издательствами, известными учеными-востоковедами (Р. Штайном, Дж. Туччи, А.С. Альтекармом и др.), членами семьи — матерью, братом и его женой.

В этой небольшой подборке представлены 13 писем, написанных Юрием Николаевичем в 1935—1956 гг., все они адресованы ближайшей сподвижнице и ученице Н.К. и Е.И. Рерихов Зинаиде Григорьевне Лихтман—Фосдик (1889—1983), которая принимала активное участие в работе культурно-просветительных учреждений,

созданных Рерихами в США в начале 1920-х годов: Мастер-Института Объединенных Искусств, Международного художественного центра «Corona Mundi» и конечно же Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В 1926—1927 гг. Зинаида Григорьевна присоединилась к Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, пройдя по Алтаю и Монголии, побывав в Москве и Новосибирске. В начале 30-х гг. занималась продвижением Пакта Рериха в США. В 1942 г. стала исполнительным директором Американо-Русской культурной ассоциации (АРКА), а в 1949-м — бессменным исполнительным директором вновь созданного

Ю.Н. Рерих

Музея, носящего имя Рериха. Она также возглавляла Общество Агни Йоги и участвовала в издании книг Учения и трудов Н.К. и Е.И. Рерихов на английском языке. Елена Ивановна Рерих высоко ценила свою преданную и весьма деятельную ученицу.

С Юрием Николаевичем Рерихом Зинаида Григорьевна знакомится примерно в то же время, что и с его родителями. «Юрий — задумчивый, всегда готовый помочь», — записывает она в своем дневнике. А чуть позже: «Юрий очень умен, зрелый мозг». Они тесно общаются и во время последующих приездов Ю.Н. Рериха в США в 1929—1930 гг. и в 1934 г.

Значительная часть этих писем объединена не только личностями писавшего их автора и его корреспондента, но и теми трагическими событиями, которые развернулись в Нью-Йоркском Музее Николая Рериха во второй половине 30-х годов, когда его президент и доверенное лицо Николая Константиновича, американский бизнесмен Луис Хорш решил стать единственным владельцем здания и находящихся в нем бесценных полотен. Для этого он прибегнул к самым постыд-

ным методам — подделке документов, клевете и воровству. Судебный процесс «Рерихи против Хоршей», растянувшийся на несколько лет, обратился в настоящий фарс, и в результате вмешательства высокопоставленного чиновника из Правительства картины Николая Константиновича были признаны... собственностью Луиса Хорша, некогда вложившего в Музей свой капитал и якобы финансировавшего Центрально-Азиатскую экспедицию. Часть картин мошенник оставил себе, большинство же были пущены с молотка и до сих пор украшают жилища частных коллекционеров. В 1949 г. усилиями американской ученицы Е.И. Рерих г-жи Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе и ее друга Балтазара Боллинга Музей был восстановлен, однако это радостное событие произошло уже после смерти Николая Константиновича...

«Н.К. стоит во главе многих групп в Европе и в Азии, — писал Юрий Николаевич, возмущенный творящимся беспределом, — и его последователи не имеют права рисковать его именем, зная состояние амер[иканского] суда и некоторые особенности страны. <...> Но о чем же говорить, когда не понимается положение: с одной стороны мировая величина, а с другой — маленький брокер, стремящийся всеми средствами превратить общественное учреждение в личную вотчину. Настало время американским культурным деятелям встать на защиту». (Письмо от 7 сентября 1936 г.) «Быть может, кому-то вопросы чести не представляют значения, но я должен сказать, что честь моего отца и репутация имени являются для меня той основой, от которой отказаться я не могу и в этом вопросе ни на какие компромиссы не пойду. <...> Прошу иметь это в виду, и что в этом деле затронут не только один Н.К., но и мы, его сыновья». (Письмо от 4 января 1937 г.)

Его размышления о царящих в мире жестокости и насилии, присутствующие на страницах этих писем, вряд ли оставят читателя равнодушным. «Странно, что люди не задумываются о творимых ими разрушениях. Ведь «поднявший меч от меча и погибнет», и мы видим в России, что многие творцы революции уже казнены тем же народом, именем которого восставали». (Письмо от 28 августа 1936 г.)

«Живем в мире злобы и клеветы, и только на днях разыгралась невиданная газетная кампания, затрагивающая интересы целых стран. Мир содрогается от человеческих попыток разрушить основы своего же благосостояния. Трудно предвидеть, куда все это направляется. Наше дело в

N[ew] Y[ork] только отражение мирового пожара, который раздувается безумцами». (Письмо от 14 декабря 1936 г.)

«Вы совершенно правы, отмечая печальные знаки времени, которые замечаются в Ваших краях. Это есть результат чрезмерного поклонения количеству денежных знаков. Денежный знак перестал быть просто символом обмена, а явился предметом вожделения. Теперь уже он не средство, а является сам по себе целью. И в этом несчастье нашего времени». (Письмо от 8 февраля 1937 г.)

Особого внимания заслуживает письмо, написанное Юрием Николаевичем 24 октября 1955 г., вскоре после ухода с нашего земного плана Елены Ивановны Рерих, в котором

он описывает последние дни ее жизни в Калимпонге, высказанные ею пожелания и саму церемонию прощания. Несмотря на то, что каждая строчка этого письма явственно излучает глубокую скорбь и горечь утраты, в нем присутствуют и торжественные ноты: «...Будем неутомимо трудиться на Указанном Пути». Стоит ли говорить о том, что вся последующая жизнь Юрия Николаевича Рериха явилась воплощением в жизнь этого завета. Он был единственным из семьи Рерихов, кому удалось вернуться на Родину и поработать на благо «Страны Лучшей» (так называла Россию Елена Ивановна), хотя отпущено ему было не так

З.Г. Фосдик

уж много... Однако за два с половиной года работы в Москве он сумел сделать то, на что у других ученых ушла бы целая жизнь: возродить школу русского востоковедения, создать отечественную школу тибетологии, впервые в советской России начать преподавание санскрита, а также заложить фундамент новой науки — номадистики (изучение кочевых племен). Много усилий приложил Юрий Николаевич, чтобы вернуть Родине славное имя своих родителей. Он привез в СССР около 400 картин Николая Константиновича, которые были переданы в дар народу с условием, что они будут постоянно экспонироваться в картинных галереях, выступал с лекциями и докладами. Именно от него многие наши соотечественники впервые узнали о существовании учения Живой Этики. «Его посев был шире широкого... — писал о нем известный рериховед П.Ф. Беликов. — Но, среди многих сеятелей, Он знал, что человек посеявший — не тот самый, который жнет. Когда мы думали о плодах, Он отдавал себя Делу, и Его доля всегда превышала все наши, вместе взятые».

Т.О. Книжник

Сотрудники Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. В первом ряду слева направо: М. Лихтман, Ф. Грант, С.Н. Рерих, Э. Лихтман, Н.К. Рерих, Т.Д. Гребенищикова, З.Г. Лихтман (Фосдик), Л. Хорш. 1920-е гг.

3 декабря 1935 г.
Naggar

Дорогой Друг.

Это письмо дойдет до Вас к праздникам. Шлю всем сердечные пожелания. Великий Год борений наступает. Нужно встретить его достойно. Из наших телеграмм знаете, что Л[уис] Х[орш]¹ снова совершил «деяние» в деле налога². Все это чрезвычайно возмутительно, если не сказать более. Видимо, все это готовилось давно, и приходится только удивляться двуличию и преступности замысла. Порою кажется, что действует сам Князь Мира. Знаменательно происшествие с портретом, который упал. Знак. Конечно, и это наваждение пройдет, и начнется об-

новленная работа, но уже без предателей и служителей мрака. Мерзок ответ, полученный Авирах[ом]³. Раскрывается вся природа, жадная и беспринципная. Интересно, вернулись ли танки⁴ в Институт⁵? При таких обстоятельствах, думаю, мои книги лучше передать «American Express» для пересылки сюда. Посылать можно «collect[ion]»⁶, т. е. за провоз я уплачу отсюда. Некоторые мне нужны здесь для текущей работы. Итак, пригласите Шаховского или другого верного (конечно, за вознаграждение) и пошлите их сюда via «American Express», Bombay. Работы у меня сейчас очень много. Приходится писать ботанический отчет, а Вы знаете, что это вне моей области! Но уж так распорядился тот,

¹ Хорш Луис (наст. фамилия Леви) (1889—1979), американский бизнесмен, президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и других культурных учреждений, основанных Е.И. и Н.К. Рерихами в США. Сотрудничал с Рерихами до середины 1935 г.

² Л. Хорш, будучи доверенным лицом Н.К. Рериха, подал ложные сведения в Налоговый департамент США, представляя средства, потраченные на Центрально-Азиатскую экспедицию, личными средствами художника. Это привело к тому, что на собственность Н.К. Рериха в США — картины — был наложен арест и возникла угроза их принудительной распродажи.

³ Лихтман Морис (ум. 1948), музыкант, вице-президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁴ Танки — тибетские иконы на ткани.

⁵ Имеется в виду офис Института Гималайских исследований «Урусвати» в Нью-Йорке.

⁶ Вместе (англ.).

от которого это зависело — прислать порядочного ботаника⁷. Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне]⁸, Фран[сис]⁹, Ав[ираху] и всем друзьям. Что мои таксы¹⁰?

Духом с Вами. Ю.Р.

31 декабря 1935 г.

Дорогой Друг,

Пишу Вам в самый канун Великого Года.

Спасибо за Ваше письмо от 11 дек[абря]. Спасибо за все хлопоты с книгами. Из Ваших писем видим, как жестоко-планомерно Леви разрушает здание Учреждений. Очень надеюсь, что наши адвокаты действительно будут нашими и найдут достойные и твердые слова. В наш век половинчатых решений и мягкотелости качество твердости почти отсутствует у многих. Из некоторых слов Харт[манна]¹¹ вижу, что не мешало бы указать ему на прошлую деятельность Н.К.¹² Ведь в Ам[ерику] Н.К. уже приехал с именем и с 30-летним опытом культурной и общественной работы. В течение своей деятельности в России стоял во главе многих как культурных, так и чисто деловых учреждений, которые развивались и под руководством Н.К. достигли своего расцвета. Покажите Харт[манну] большую монографию издания 1916 г., а также монографию Эрнста и Ростиславова¹³. Ведь что могло быть в Культурной России, неужели это самое не могло расцвести на почве Америки? Трагедия наших Учреждений в Н[ью]-Й[орке] заключалась в том, что в то время, как часть сотрудников строила действительно общественное учреждение, Председ[атель] всячески стремился подчеркнуть личную собственность, превращая учреждение в свою вотчину, а сотрудников — в служащих. Ведь это происходило все эти годы, и в то время, как учреждения росли, дух Леви уже готовил

предательство. Также откуда создалось у Харт[манна] впечатление об «easy life»¹⁴ Н.К. на востоке? Неужели экспедиция в Среднюю Азию, гибель каравана, смерть нескольких спутников и, наконец, подорванное здоровье Е.И.¹⁵, неужели все это признаки «easy life»? И эта последняя экспедиция во Внут[реннюю] Монголию¹⁶ — тоже не была прогулкой для удовольствия. Опасности, и большие, были на каждом шагу, достаточно только вспомнить гибель английского журналиста Jones в том же районе, и банды хунхузов летом 1935 года. Когда-нибудь расскажу все подробности этого нелегкого времени. Но адвокаты должны знать факты, также и то, что все средства, полученные в 1926—27 г., пошли на экспедицию, которая продолжалась до мая 1929 г.¹⁷ Ведь мог же Свен Гедин¹⁸ продавать свою библиотеку, жертвовать доходы со своих книг, чтобы финансировать свою экспедицию. Будем надеяться, что адвокаты найдут твердые слова. Беспokoит меня Министерство¹⁹. Семена и сборы из Внутр[енней] Монголии (4 ящика) ими получены, но мы до сих пор не имели от них извещения. Не знаем, что это значит, и потому нужна большая осторожность. Ведь по настоящим временам все возможно. Очень благодарен братьям Фосд[ик]²⁰ за дружеское содействие. Все же думаю, что книги лучше выслать, ибо здесь они нужны, а платить «Сторедж»²¹ тоже расход. У меня должны были быть след[ующие] вещи: один файл²² (прошу его сохранить у Вас); один черный чемодан с перепиской (о нем писал в прошлом письме), один черный сундук (посылать и вскрывать не следует, в нем, кроме старых вещей, ничего нет, один красный сундук (лучше посмотреть, там могут быть книги), два ягтана (в одном были книги, которые здесь нужны), одна железная cartine²³ (посылать не следует), остальные ящики с книгами, в том числе

⁷ Ю.Н. Рерих имеет в виду прискорбный инцидент, когда во время Маньчжурской экспедиции 1934—1935 гг., организованной Министерством земледелия США, участвовавшие в ней американские сотрудники Министерства ботаники Стивенс и Макмиллан не только отказались подчиняться руководителю экспедиции Н.К. Рериху, но и распространили про него клеветнические заявления.

⁸ Шафран Софья Михайловна (1871—1954), мать З.Г. Лихтман (Фосдик), участница рериховского движения в США.

⁹ Грант Франсис (1896—1993), американская журналистка, вице-президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

¹⁰ Taxes (англ.) — налоги.

¹¹ Американский адвокат.

¹² Рерих Николай Константинович (1874—1947), выдающийся русский художник, философ, писатель и путешественник. Отец Ю.Н. Рериха.

¹³ Рерих (альбом репродукций). Пг.: Свободное искусство, 1916. Эрнст С.Р. Н.К. Рерих. Пг., 1918. Ростиславов А.А. Н.К. Рерих. Пг., 1918.

¹⁴ «Легкая жизнь» (англ.).

¹⁵ Рерих Елена Ивановна (1879—1955), русский философ и писатель, автор книг учения Живой Этики. Мать Ю.Н. Рериха.

¹⁶ Маньчжурская экспедиция Н.К. и Ю.Н. Рерихов 1934—1935 гг., организованная Министерством земледелия США с целью изучения засухоустойчивых растений.

¹⁷ Вероятно, опечатка. Экспедиция закончилась в 1928 г.

¹⁸ Гедин Свен Андерс (1865—1952), шведский путешественник.

¹⁹ Министерство земледелия США.

²⁰ Фосдик Жин, Фосдик Дедлей, участники рериховского движения в США.

²¹ «Storage Pacific Co».

²² Переписка, папки с документами.

²³ Так в тексте.

один небольшой ящик книг Е.И. Все же думаю, что, пригласив упаковщика и купив ящики, можно будет книги сюда переслать. Среди книг много ценных, а у William они все равно пропадут. Расходы вышлю отсюда, мне как раз удалось хорошо продать имевшийся у меня дубликат, и эту сумму ассигную на пересылку книг. При разборке упаковщикам хорошо бы попросить Шахов[ского] присутствовать, конечно, за вознаграждение. Очень благодарен Авир[аху] за его дружески милое письмо от д[екабря] 12-го, со следующей почтой напишу ему. Всем сотрудникам и друзьям сердечный привет. Не будем забывать, что, несмотря на попытки темных, строительство идет и с ним продвижение. Сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Фран[сис] и Ав[ираху]. Духом с Вами.

Ю.Р.

Е.И. тоже думает, что книги лучше выслать сюда. Все равно хранить их в Америке — расход. О моей мебели не беспокойтесь!

17 августа 1936 г.

Наггар

Доверительно

Дорогой Друг,

Вчера пришло Ваше письмо с описанием осквернения Часовни Преподобного Сергия при Музее. Этот новый кощунственный акт трио²⁴, ведь Часовня была освящена, еще раз ярко показал всю мерзкую и безбожную природу этих типов. Видимо, они избрали путь мерзости и подлости, который и приведет их к гибели. Отлично понимаю Ваше возмущение, а также сообщение газетам об этом возмутительном акте. Не понимаю только психологию обитателей Ваших краев. Неужели психология Нового Света так отличается от психологии Старого Света? Ведь в Европе постоянно появляются возмущенные протесты против актов вандализма и кощунства. Если кто-то совершил кощунство, то и должен испытать на себе общественное осуждение, и было бы странным предположить, что он мог бы арестовать своих обвинителей, ибо при наличии свободы слова каждый имеет право выразить свое мнение, особенно если оно основано на фактах. Замки были взломаны по распоряжению Леви и вещи вынесены за время закрытия помещения по его же распоряжению, значит, он, а никто другой, несет полную ответственность за этот безобразный акт, и общественное мнение вправе назвать его публично

мерзавцем и кощунником. К сожалению, в наше время слишком много робости и стремления к компромиссу. В старые времена знали, что можно поносить и безобразить до известного предела, но что после этого предела брались за шпаги и дрались насмерть; ныне же в государственных учреждениях показывают друг другу нос и ругаются скверными словами. В прошлом, быть может, было много мишуры, но я все же предпочитаю созерцать хорошо одетого и воспитанного человека, чем безобразную наготу современного культуртрегера.

Будем стараться послать собственность Флоры²⁵ тем же способом, что и полученный Вами пакет. Имейте в виду, что на пакете показана стоимость по 250 долл[аров], по которой вещи уступаются Флоре и самым близким друзьям. На самом же деле цена их по 350 долл[аров], что и нужно иметь в виду при разговорах с посторонними.

Относительно известного Вам Смирнова²⁶ советую запросить у «Криштян Саэнс Монитора» адрес указанного Чемберлэна и затем от него узнать возможные способы сообщения. Имейте в виду, что этот Чемберлэн написал весьма критическую, возможно и справедливую, книгу о всем им виденном, но, конечно, не сделался «персона грата». Это нужно иметь в виду, чтобы не повредить Смирнову. Думаю, что после введения новой конституции переписка значительно облегчится.

Ожидаю Ваших сообщений о высылке моих книг. Пусть транспортная контора известит меня о прибытии парохода в Карачи, а также сообщит мне адрес их представителя в этом городе. Также жду от Вас присылки почтою указанных в моих прошлых письмах бумаг и переписки. Заранее приношу благодарность за это содействие.

Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Ав[ираху] и всем нашим друзьям. Послала ли m-me Сутро свою книгу, как я советовал?

Много перемен и все в должном направлении.

Душевно Ваш,

Ю.Р.

28 августа 1936 г.

Наггар

Дорогой Друг,

Спасибо за письмо от 7 августа и за хорошие новости в связи с отправкою ящиков с книгами. Сообщите, пожалуйста, во что обошлась посылка

²⁴ Луис и Нетти Хорш, Эстер Лихтман.

²⁵ Сутро Флорентина (ок. 1866—1940), американский меценат и деятель культуры.

²⁶ Вероятно, Смирнов Борис Леонтьевич (1891 — 1967), русский ученый, академик, нейрохирург, переводчик древнеиндийского эпоса «Махабхарата».

На маршруте Маньчжурской экспедиции. 1935—1936

ка, дабы я мог возместить одолжившим необходимую сумму. Надеюсь, что мой перевод уже дошел до Вас. Послан он был согласно Вашей первой смете. Ожидаю от Транспортной Конторы извещения о дате отправки из Н[ью]-Й[орка] и о дне прибытия в Карачи. Надеюсь, что все ящики содержат действительно книги, а не предметы обихода. Приношу искреннюю благодарность лицам, одолжившим необходимую сумму на пересылку, а также всем тем, кто принял участие в отправке этой «флотилии». Прибытие книг позволит ускорить работу по «Истории Ср[едней] Азии»²⁷. В настоящее время пишется конец четвертой главы и остается еще пять глав до начала XIX столетия, на котором кончается труд (новейший период XIX — начало XX вв. составит предмет исследования 2-го тома и будет написан впоследствии). Двигается и Словарь²⁸, но найти издателя в настоящее время чрезвычайно трудно,

хотя есть одна возможность в будущем, которую и берегу. Правильно ли я понял, что вся наша экспедиционная файль послана в одном из ящиков? Моя файль никаких личных секретов не содержит, и ею всегда можно пользоваться, если это в интересах общего дела. Письмо Леви об эксп[едиционных] фондах чрезвычайно интересно. Во всем этом жонглировании цифрами вообще трудно разобраться, и я должен признаться, что не знал, что письмо это находилось в файль. Не следует также забывать, что у г-жи Леви²⁹ должна находиться папка с оригиналами по визному делу 1930 г.³⁰, которую она увезла из Парижа летом 1930 г. для хранения в Музее. Следует иметь это в виду. Также нас интересует следующий вопрос: на имя Людмилы³¹ было положено в «Банкерс Трэст» около 1000 долл[аров]. Из коих был куплен бонд³² дома, а 400 долл[аров] лежали на счету. Леви имел доверенность от нее, и мы

²⁷ Этот фундаментальный труд Ю.Н. Рериха в настоящее время готовится к изданию публикаторским отделом Центра-Музея им. Н.К. Рериха.

²⁸ Речь идет о тибетско-английском словаре с санскритскими параллелями, над которым работал Ю.Н. Рерих.

²⁹ Хорш Нетти, супруга Луиса Хорша.

³⁰ Речь идет об отказе Британского правительства выдать Н.К. и Ю.Н. Рерихам визу на въезд в Индию после их визита в США и Европу в 1929—1930 гг.

³¹ Богданова Людмила Михайловна (1903—1962), участница Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, по возвращении жила с семьей Рерихов в Кулу. В 1957 г. вернулась в СССР вместе с Ю.Н. Рерихом.

³² Bond (англ.) — ценная бумага.

не знаем, что случилось с этими суммами. Также счет д[окто]ра Рябинина³³. Кажется, Леви самовольно всучил им бонды серии Б. Пишу Вам это не для того, чтобы беспокоить наших супер-нервных адвокатов, а для Вашего личного осведомления. По окончании главного дела все эти обстоятельства должны будут получить разрешение. Просто имейте это в виду. Совершенно не понимаю отношения адвокатов в деле с манускриптами. Неужели нельзя принажать? Ведь странно, чтобы адвокат не понимал значения этого дела. Франсис мне писала, что она начала с Плаутом³⁴ разбор дела о клевете. Не знаю, означает ли это начало дела или же лишь академическое рассмотрение материала.

По всем сведениям, мир вступает в новую мрачную фазу войн и смут. Об Испанских событиях Вы, вероятно, читаете. Прискорбно узнавать о творимых разрушениях. Погиб знаменитый Севильский Собор, бомбардировали Гранаду. Странно, что люди не задумываются о творимых ими разрушениях. Ведь «поднявший меч от меча и погибнет», и мы видим в России, что многие творцы революции уже казнены тем же народом, именем которого восставали. На Родине события зреют, но много хороших знаков. Совершилось настоящее чудо — искусственно создаваемый молодой марксист оказался не марксистом, а новым человеком, который чужд доктринерства и классовых перегородок. Так идет грядущее строительство.

Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Ав[ираху] и всем нашим друзьям и соратникам. Получил через Париж путеводитель по Петерб[ургским] музеям от 1936 г.: в Русском Музее имеются картины Н.К., но, к сожалению, не указаны, какие, ибо весь путеводитель составлен чрезвычайно кратко и только перечисляет имена художников.

Душевно Ваш,

Ю.Р.

7 сентября 1936 г.

Наггар

Дорогой Друг.

Получили Ваши письма от 13 авг[уста], в которых была приписка касательно моих книг. 55 долл[аров] Вам уже посланы и остающиеся 25

долл[аров] высылаю. Очень признателен Фосдику, что одолжил 20 долл[аров] на пересылку. Прошу сообщить мне день прибытия ящиков в Карачи. Очень надеюсь, что ящики содержат исключительно книги, а не случайные предметы обихода, за которые придется платить здесь пошлину. Удалось ли Вам найти в моей файль бумагу на выезд, данную нашей экспедиции в Монголии? Послана ли она письмом или же положена в ящик? Если в ящик, то прошу сообщить, с чем ее уложили.

Прискорбно, что наши адвокаты и советники все еще не усвоили невозможность приезда в настоящее время по целому ряду причин. Уже не говоря о главной причине (Указание), имеется достаточно много других причин. Ведь все заявления, что даже возможные осложнения по приезде послужат на пользу, не могут быть приняты во внимание. Об этом можно еще было говорить при наличии очень чуткого общественного мнения. Но за последнее время на нашем деле и на многих других мы видим, что в стране общественного мнения нет. Вы сами видели, что в газетах можно писать черт знает что, а опровергать или восстанавливать истину нельзя. Вам говорят, что за статью о погроме Часовни Вы можете быть арестованы, а никто не собирается арестовать лиц, повинных в помещении клеветы в прошлом январе. Культурное учреждение уничтожается, и никто не поднимает даже пальца в защиту, если не считать наших близких друзей, как-то: Фосдика, Стокса³⁵ и Косгрева³⁶. Ведь даже в подъяремной России люди еще выражают свое мнение, когда дело идет об изменениях в фасадах исторических зданий (недавно сам читал в «Красн[оармейской] Газете»³⁷ протесты против предполагавшегося снятия императорских вензелей с Музея Императора Александра III в СПб.). Если эти вещи возможны там, то мы вправе были ожидать такого же отношения в свободной и культурной Америке. Но этого не случилось, и, значит, на все заявления об общественном мнении мы будем отвечать: «Дудки, не проведете». Вспомним Линдберга³⁸ и его недавнее бегство в Европу. Кажется, его еще обругали, но сильных защитников не нашлось. Ведь мы иностранцы, наши базы в Старом Свете, и Америка явилась только эпизодом в жизни Н.К.

³³ Рябинин Константин Николаевич (1870—1939), врач, участник Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха в 1927—1928 гг.

³⁴ Плаут Герберт, американский адвокат.

³⁵ Стокс Джеймс Грэхем Фелпс, майор, участник рериховского движения в США, оказывал материальную поддержку Институту «Урусвати».

³⁶ Косгрев Джон О'Хара, участник рериховского движения в США.

³⁷ Вероятно, «Красноармейская правда» или «Красноармейская звезда».

³⁸ Линдберг Чарльз (ум. 1974), знаменитый американский летчик. Был вынужден покинуть США после похищения и убийства его маленького сына.

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке. 1929—1936

Н.К. стоит во главе многих групп в Европе и в Азии, и его последователи не имеют права риксовать его именем, зная состояние амер[иканского] суда и некоторые особенности страны. Происшедшее в Н[ью]-Й[орке] вызывает глубокое возмущение в Европе и Азии, и мы получаем много писем с осуждением деятельности нью-йоркского трио. Письма эти далеко не всегда от близких друзей, но являются отражением мнения массы, чего в Америке мы не видим. Да что писать Вам об этом. Вы ведь это сами знаете и не раз писали в Ваших письмах о состоянии малярии, охватившего страну. Победа будет, и новое прекрасное строительство идет. Но о чем же говорить, когда не понимается положение: с одной стороны мировая величина, а с другой — маленький брокер, стремящийся всеми средствами превратить общественное учреждение в личную вотчину. Настало время американским культурным деятелям встать на защиту. Но приезд Н.К. не имеет никакого отношения к этому, ибо не будет же Н.К. агитировать в свою пользу. Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Ав[ираху]. Душевно Ваш,

Ю.Р.

14 декабря 1936 г.
Naggar, Kulu, Punjab,
Br[itish] India

Дорогой Друг,

Прошу передать вложенное письмо и бумаги Плауту. Как видите, бесконечная волокита переписки с Министерством приходит к концу. Интересно Ваше сообщение о том, что адвокат газеты собирает сведения из разных стран. Воображаю, какой букет всевозможных небылиц будет преподнесен. Конечно, нам легко отпарировать все эти газетные измышления, но все же Плауту следовало бы нажимать на противника и не давать ему времени укрепиться. Живем в мире злобы и клеветы, и только на днях разыгралась невиданная газетная кампания, затрагивающая интересы целых стран. Мир содрогается от человеческих попыток разрушить основы своего же благосостояния. Трудно предвидеть, куда все это направляется. Наше дело в N[ew] Y[ork] только отражение мирового пожара, который раздувается безумцами. И раздувают его не только босяки из поэмы Блока, но и господа, сверкающие крахмалом вечерних облачений. В эти напряженные дни так необходимо единение и чуткое отношение к друг другу. На этих словах и закончу. Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайлов-

не] и Ав[ираху], а также всем друзьям «на дозоре». Душевно Ваш.

Ю.Р.

При сем письмо Ав[ираху].

4 января 1937 г.
Naggar, Kulu, Пенджаб,
Br[itанская] Индия

Дорогой Друг,

Спасибо за письмо от 15 дек[абря] 1936 [г.]. Надеюсь, Ваше здоровье вполне восстановилось, нелегко болеть, когда обстоятельства требуют напряжения всех сил. Е.И. также проболела в течение почти двух недель и еще сейчас не выходит. В последних письмах от вас всех много говорится о возможности сэтлмента³⁹. Мне хочется изложить Вам свои соображения по этому поводу. Быть может, они пригодятся Вам. В принципе, как Вы, вероятно, знаете, я против компромиссных решений, особенно когда говорится, что один стул в комнате будет принадлежать Вам, а другой Леви, причем всем придется дышать одним воздухом, который, не знаю, будет ли разграничен по числу составных частей (боюсь, что и в этом [случае] большинство кислорода отойдет к Леви). Мне все время мыслилось наше дело как активная оборона и всяческое оттягивание до подхода новых обстоятельств, уже не американского свойства, которые не за горами. Современное судное делопроизводство дает многие возможности откладывания дела. Роль бы адвоката свелась к сохранению дела на календаре суда и к охране статускво, данного инжонкшен'ом⁴⁰. Таким образом без особых затрат мы могли бы оборонять положение, частично переходя в контратаки и все время используя на укрепление и расширение нашей базы. К сожалению, состояние наших друзей и их малочисленность и ограниченность средств не позволяют нам переходить к решительным действиям. Недохват в средствах можно было бы заменить широкой работой в массах для поднятия общественного мнения, которое в иных краях находится в дремлющем состоянии. Но для этого наш комитет защиты совершенно не подготовлен, да и нет желания пойти по этому пути. Следовало бы также изыскивать средства и возможности нападения на Леви и его адвокатов с новых сторон и новыми людьми. Это могло бы несколько терроризировать их и вынудить к отходу. Одновременно следовало всячески развивать наши учреждения, хотя бы путем предоставления некоторой автономии тем

³⁹ Settlement (англ.) — урегулирование.

⁴⁰ Injunction (англ.) — судебное предписание, запрещение.

Ю.Н. Рерих в Кулу. 1930-е гг.

из наших друзей, которые выразили бы желание принять действенное участие в работе учреждений. Это значительно бы разгрузило основную группу работников, которая могла сосредоточить свою деятельность на общем руководстве и борьбе. Отказываться от компромисса мы не могли, ибо, видимо, некоторые из наших друзей стоят за него. Теперь остается по возможности получить лучшие условия и, главное,

охранить интегрити⁴¹ Музея как основного учреждения, конечно, без Леви и его некультурных сотоварищей. Быть может, все же придется перейти к тактике оттягивания и активной обороны, о которых пишу в этом письме, если сэтлмент не состоится. Совершенно не вижу, почему пристегивают к сэтлменту дело о клевете. Ведь судим мы газету, которая никакого отношения к делу Музея не имеет и официаль-

⁴¹ Integrity (англ.) — целостность.

но не может иметь (я-то понимаю внутреннюю связь и роль Леви и его сообщника Глина⁴²). Мы только что ознакомились с ответом газеты, и создается впечатление, что, ознакомившись с ним, мы все пришли в такое состояние испуга, что бросились по углам и заговорили о сеттлменте. Вам послан по возд[ушной] почте наш ответ на все пункты, и Вы увидите, что у нас достаточно документов доказать всю вздорность их обвинений. Думаю, что нельзя терять этой возможности разбить врага хотя бы на этом секторе. Плауту следует употребить данные нами сведения, дополненные теми сведениями, имеющимися у Франс[ис], и дать достойный и сокрушающий ответ, который вынудил бы газету опубликовать печатное извинение. Быть может, кому-то вопросы чести не представляют значения, но я должен сказать, что честь моего отца и репутация имени являются для меня той основой, от которой отказаться я не могу и в этом вопросе ни на какие компромиссы не пойду. Сейчас или в некотором будущем всем этим газетным писакам и иже с ними будет отвечено, и так отвечено, что разгром их войдет в историю как позорная страница современного хамства. Прошу иметь это в виду, и что в этом деле затронут не только один Н.К., но и мы, его сыновья. Пусть уже лично продолжается дело о несправедливом налоге, но вопросы чести не должны быть приносимы в жертву Молоху и другим заокеанским божествам. Это мое личное мнение. К сожалению, в Америке недостаточно понимают природу клеветы и, увы, значение чести. Демократическая система выборов приучила нацию к возможности безнаказанно оплевывать избираемых, а отсюда и вся вакханалия газетных сплетен, питаемая низким уровнем газетного писаки.

Только что получил письмо из Китая, что наш ботаник⁴³ написал статью об экспедиции. Он состоит на госслужбе и не сделал бы это, если бы, как газета утверждает, власти действовали бы против нас.

Шлю сердечный привет всем,

Ю.Р.

<...>⁴⁴ представитель, который якобы жаловался на нас Ам[ериканскому] послу в Пекине, мне говорил о своей встрече с послом, но с его слов, эта встреча носила характер предостережения со стороны посла. Вот еще один источник интриг.

Выписку из наших протоколов о коллекции тиб[етских] танок послал Вам по Вашей же просьбе. Вероятно, она пригодится при сеттлменте. Находящуюся в моем файле сумку с монетами прошу сохранить у Вас. Остальное можно выслать сюда. Об этом пишу Фосдику. <...>⁴⁵

8 февраля 1937 г.

Наггар, Кулу, Пенджаб, Британская Индия

Дорогой Друг,

Очень рад был получить Ваше письмо от 14 января. Вы совершенно правы, отмечая печальные знаки времени, которые замечаются в Ваших краях. Это есть результат чрезмерного поклонения количеству денежных знаков. Денежный знак перестал быть просто символом обмена, а явился предметом вожделения. Теперь уже он не средство, а является сам по себе целью. И в этом несчастье нашего времени. Обратите внимание, что взаимоотношения между странами также свелись к простой купле и продаже. Забывается, что между странами существуют еще и другие отношения, так же, как и между уважаемыми людьми (ведь встретившись с уважаемым человеком, не станем же мы торговать его галстук или платок, забывая его удельный вес и человеческое достоинство, а ведь именно это происходит в отношениях между странами). Газеты приносят сведения о потопах в Америке, итак, после воздействия огнем (засухи) теперь топят в волнах. Да, кому потопа, а кому войны. Видимо, это нужно, ибо слишком уж много свиней развелось среди двуногих. А за войнами и космическими явлениями идет целый кортеж преступлений и горя. В то время, как на Западе режут друг друга в упоении междоусобной войны, на севере начинается рассвет и уже говорят о «великих заветах Куликова Поля». А ведь от этого недалеко и до Имени Преп[одобного] Сергия Радонежского Чудотворца. В столице идет новая пьеса из жизни Минина и Пожарского, и таким образом забытые Имена снова входят в жизнь и освещают новостройку. Слепые не хотят видеть перемены, но она заметна во многих мелочах жизни, даже если официально еще и произносятся слова недавнего прошлого. Отлично понимаю Ваше напряжение. Хорошо, что Плаут понимает значение дела против газеты и оценивает весь его «солнечный» характер. Вы также правы, что если с налогом одного лица происходит отмена и

⁴² Уоллес Генри Эгард (1888—1965), министр сельского хозяйства США в 1930-е гг., вице-президент в правительстве Ф.Д. Рузвельта, участник рериховского движения.

⁴³ Здесь, вероятно, имеется в виду китайский ученый д-р Кэн.

⁴⁴ Слово неразборчиво.

⁴⁵ Неразборчивая приписка от руки, сделанная Е.И. Рерих.

Е.И. Рерих, Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих в Кулу. 1940-е гг.

возвращение денег, то и в другом случае это должно было бы иметь место.

Словарь, о котором просил, был Вам выслан мною из Пекина осенью 1935 г., причем первый том Вами мне был послан сюда, остаются еще два тома у Вас. Также прошу прислать мне книгу Головина⁴⁶ «Мысли о буд[ущей] р[оссийской] воо[руженной] силе». Книга эта была Вам оставлена еще в 1934 [г.] и Вами была взята в Вашу квартиру, чтобы иметь под руками. Остальные издания Головина находились в нижнем отделении моего файла. Шлю сердечный привет С[офье] М[ихайловне] и Ав[ираху]. Духом Ваш, Ю.Р.

Пакеты лучше посылать реджистеред бук пост⁴⁷, а то стали пропадать.

Очень прошу, запросите Меррилла⁴⁸, когда же он собирается закончить свою монографию о нашей коллекции. Ведь мы должны ее издать, и у нас имеются запросы о ней.

Е.И. очень беспокоится о двух тетрадях, о которых Вы писали. Необходимо знать их содержание, число, месяц, год, обозначенные на первых страницах. В последних письмах Вы о них не упоминаете.

4 октября 1937 г.
Naggar, Kulu, Punjab,
Br[itish] India

Дорогой Друг,

Спасибо за письмо Ваше от 3 сентября. Все сведения передал Е.И., как Вы о том просили. В настоящее время имя нашего прадеда⁴⁹ вновь произносится на Родине, и над его могилой в Казанском Соборе вновь высятся захваченные французские знамена, которые какие-то гонители всего русского предпочли убрать.

Очень были огорчены узнать из Вашей последней телеграммы о несчастье с Инге⁵⁰. Прошу передать мои искренние пожелания скорейшего выздоровления. Где и как это случилось? Решение Макса следовало ожидать. Хочется верить, что наши адвокаты использовали эти месяцы для парирования этого решения. Ведь о его характере давно говорилось. Словари получил. Спасибо. При сем посылаю 5 рупий на покрытие расхода по их пересылке. Буду благодарен за присылку Головина и лекций и дневников, находящихся в моем file. Сердечный привет С[офье] М[ихайловне], Ав[ираху] и всем друзьям Вашим.

Душевно Ваш,

Ю.Р.

⁴⁶ Головин Николай Николаевич (1875—1944), военный теоретик, педагог, историк, участник Первой мировой войны и гражданской войны. В 1926—1940 гг. сотрудник Гуверовской военной библиотеки в Париже.

⁴⁷ Registered book post — заказной почтой (англ.).

⁴⁸ Меррилл Эдгар, директор Нью-Йоркского Ботанического сада, профессор.

⁴⁹ Кутузов Михаил Илларионович. В действительности он являлся двоюродным прапрадедом Ю.Н. Рериха.

⁵⁰ Фричи Гизела Ингеборг (1899—1996), секретарь Правления Общества Агни Йоги в Нью-Йорке.

24 июля 1952 г.

Дорогая Зинаида Григорьевна,

Принужден просить Вас навести справку по нашему делу⁵¹. В прошлом, при жизни отца, мы сносились через Музей, и мы не видим, почему бы нам не придерживаться установившейся традиции. Как Вам известно, нами было сделано соответствующее заявление от имени матери моей, Елены Ивановны, двух воспитанниц, сестер Богдановых, и моего в феврале 1949 г.⁵² С тех пор мы ежегодно запрашивали лично, письменно и телеграфно (с оплаченным ответом), о судьбе нашего заявления, но по сей день ответа не получили, хотя нас и заверяли в благожелательном отношении⁵³. Наши устремления остались прежними, и я думаю, излишне писать о нашей постоянной готовности приложить свои силы и знания. Вы знаете, что я не узкий специалист, а многолетнее всестороннее изучение Среднего и Дальнего Востока, казалось мне, позволяло надеяться на благоприятный ответ. Поэтому буду просить Вас передать это письмо и выяснить, можно ли надеяться на скорое разрешение этого вопроса, и получить необходимые указания.

Заранее благодарю Вас за содействие.

[Ю.Н. Рерих]

24 октября 1955 г.

Калимпонг

Дорогой Друг⁵⁴,

Благодарю за Ваше доброе письмо от 6 октября и сочувствие в нашей великой скорби. Извините за задержку с ответом, но даже сейчас мне все еще трудно писать эти строки. Очень прошу Вас поблагодарить Катрин⁵⁵ и Дедлея за их прекрасные письма. Я напишу им, но сейчас мне трудно это сделать. Св[ятослав]⁵⁶ напишет Катрин. Он уехал в Бангалор. Ему также нелегко, но он очень меня поддержал.

С самого начала этого года здоровье Е[лены] И[вановны] нас очень беспокоило и тревожило. Перегруженное сердце заметно слабело, и этим объясняются периоды молчания. До самого по-

следнего дня она оставалась верной самой себе, и все хотела делать сама. Она делала все возможное, стараясь быть сильной и завершить то, что ей было Указано, но силы ее уходили, и было невыносимо трудно наблюдать постепенный уход самого дорогого и любимого человека.

Третьего сентября она упала и ушибла правый бок. По мнению врачей, желудочная лихорадка была вторичной причиной, вызванной печенью. Тридцатого сентября температура упала, и мы надеялись, что начнется выздоровление. Ночью второго октября у нее был первый сердечный приступ. Пятого октября в 12.30 случился второй, и в 12.45 того же дня Е[лены] И[вановны] не стало. Она ушла во сне.

В течение последнего года, беседуя со мной, она неоднократно намекала на возможность ее ухода и высказывала пожелания в разговоре со мной, а также в долгих беседах с братом, когда он навещал нас в апреле и мае этого года. У меня также были фатальные предчувствия, о них напишу отдельно.

Тело Елены Ивановны, согласно ее пожеланиям, было кремировано на вершине горы с видом на гималайские снега. Мы были очень тронуты отношением индийских властей и бурной общественной реакцией в эти печальные дни. Почти вся Азия пришла проводить Е[лену] И[вановну] в последний путь. Перед носилками с ее телом проходили индийцы, китайцы, афганцы, тибетцы, монголы, непальцы, бутанцы и даже японцы. На месте кремации будет возведен монумент.

По воле Е[лены] И[вановны] в Индии будет основан специальный Попечительский Совет, в который войдут ближайшие сотрудники для охраны, изучения, исследования и публикации ее литературного наследия.

Усадьба в Гималаях, где Е[лена] И[вановна] и Н[иколай] К[онстантинович] провели 20 лет их творческой жизни, будет преобразована в Мемориальный Музей. Меры к выполнению данной воли будут предприняты в ближайшем будущем, и мы Вас, конечно, проинформируем.

⁵¹ Речь идет о желании Е.И. Рерих и Ю.Н. Рериха вернуться в Россию.

⁵² Вероятно, описка. Заявление Е.И. Рерих о возвращении на Родину было подано ею в феврале 1948 г. Оно осталось без ответа.

⁵³ В частности, в декабре 1949 г. Ю.Н. Рерих и Е.И. Рерих отправляют телеграмму на имя министра иностранных дел. В декабре 1953 г. Юрий Николаевич дважды встречается в Дели с советником Баласановым, который обещал расследовать дело, но обещание это осталось невыполненным. Параллельно предпринимались шаги в Москве — через Т.Г. Рерих (жену Б.К. Рериха), а после ее смерти через известного врача-гомеопата С.А. Мухина, собирателя картин Николая Константиновича. Однако все письма и прошения в адрес правительства были безрезультатны. Не помогла и Академия художеств. В Россию Ю.Н. Рерих вернулся только в 1957 г. по личному разрешению Н.С. Хрущева.

⁵⁴ Оригинал письма на английском языке.

⁵⁵ Кэмпбелл-Стиббе Кэтрин (1898—1996), ближайшая сотрудница и ученица Е.И. Рерих, вице-президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке с 1949 г.

⁵⁶ Рерих Святослав Николаевич (1904—1993), русский художник, общественный деятель и просветитель. Младший брат Ю.Н. Рериха.

Е[лена] И[вановна] ушла в другой мир в ее любимых Гималаях, и ее имя навсегда останется связанным со страной Великих Снегов, Державой Света, как называл ее Н[иколай] К[онстантинович].

Вы правы, мы будем неумоимо трудиться на Указанном Пути. Я думаю, работа будет продолжаться по двум направлениям, внешнему и внутреннему. Внешнее будут представлять культурная работа, школа, выставки, лекции и особенно Знамя Мира. Все это Вы знаете лучше меня. Внутренняя линия будет включать в себя издание книг Учения, встречи, публикацию второго тома «Писем Е.И. Рерих». Она придавала этому огромное значение, предвидя свой близкий уход. Надеюсь, что г-жа Дутко⁵⁷ продолжит

работу по переводу. Хочу верить, что в эти столь трудные для всех нас дни Ваши сотрудники останутся на своих постах и помогут пережить бурю в Учреждениях; особенно те сотрудники, которые в состоянии облегчить тяжесть финансовых проблем.

Людмила и Рая просят передать сердечные приветствия и глубокую благодарность за Ваши слова, адресованные им. Обе они служили Елене Ивановне с полным самоотречением и преданностью до самой последней минуты ее жизни на Земле.

Да пребудет с Вами Свет,
Духом с Вами,

Юрий

⁵⁷ Дутко Валентина Леонидовна (р. ок. 1909), балерина, корреспондентка Е.И. Рерих, перевела на английский язык знаменитый двухтомник ее писем.

С.Н. Рерих и Ю.Н. Рерих на месте кремации Е.И. Рерих. 1955